

На правах рукописи

Гатауллина Ирина Алексеевна

**Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики:
Социально-экономические процессы и повседневность**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань – 2009

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Казанский государственный архитектурно-строительный университет»
на кафедре истории и культурологии

Научный консультант: **Смыков Юрий Ильич** – доктор исторических наук,
профессор (Казань)

Официальные оппоненты: **Рогалина Нина Львовна** – доктор исторических наук,
профессор (Москва)

Кабытов Петр Серафимович – доктор исторических
наук, профессор (Самара)

Точёный Дмитрий Степанович – доктор исторических
наук, профессор (Ульяновск)

Ведущая организация: Институт истории имени Ш.Марджани Академии наук
Республики Татарстан (Казань)

Защита диссертации состоится 29 января 2009 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 по историческим наукам в Казанском государственном университете им. В.И.Ульянова-Ленина по адресу: г.Казань, ул.Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета, читальный зал № 1 по адресу: г.Казань, ул.Кремлевская, 35.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2008__ г.

Ученый секретарь диссертационного Совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Хайрутдинова Д.Р.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Эпоха НЭПа всегда привлекала внимание ученых своей теоретической и научной значимостью. Не будет преувеличением считать, что сегодня, пожалуй, впервые в отечественной истории изучение опыта 1920-х годов приобретает прикладное, практическое значение.

В современной, постсоветской России, в третий раз вступившей на путь масштабных либеральных преобразований¹ и на этом крутом повороте в достаточной мере испытавшей сложности переходного периода, во всей полноте и неоднозначности встал вопрос необратимости реформ, связанный с центральной проблемой истории вообще и истории НЭПа в частности – взаимоотношений власти и общества, власти и рынка. Именно это обстоятельство актуализирует тему настоящего исследования с точки зрения анализа уроков НЭПа – политических, экономических, социальных, гуманитарных (в смысле гуманитарной катастрофы), а также повседневной жизни населения, с целью категорического недопущения повторения исторических ошибок, учет которых призван обеспечить движение страны в модернизационном направлении, где оптимальное соотношение собственности, свободы и справедливости выступает гарантом стабильности общества, а значит, необратимости преобразований.

Объект исследования – принципы новой экономической политики, реализуемые населением региона в различных областях его жизнедеятельности.

Предмет – социально-экономические процессы и повседневность², в концентрированном виде отражающие сущностные черты НЭПа.

Цель – воссоздание картины жизни средневожского населения в 1920-е годы на основе комплексного изучения промышленных, сельскохозяйственных, рыночных и бытовых проблем НЭПа. Её достижение представляется на основе решения следующих **задач**:

- раскрыть историографическую и источниковедческую базу исследования;
- показать институциональные условия взаимоотношений власти и рынка, их влияние на хозяйственную жизнь региона;
- рассмотреть плановую и рыночную составляющие процесса развития средневожской промышленности;
- определить место и роль экономического районирования Среднего Поволжья в формате НЭПа;

¹ Первая попытка была сделана Россией во II пол. XIX в. после отмены крепостного права в 1861 г., а вторая – в результате краха «военного коммунизма» в период новой экономической политики 1920-х годов.

² Выбор в пользу широко трактуемой истории повседневности основан на представлении последней как месте пересечения «объективного» и «субъективного», на её определении как «культурно оформленного взаимодействия действий и интерпретаций «действительности», специфического для различных слоев, на которое решающее влияние все же оказывают материальные условия и их изменение //См.: Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭП, 2001. С. 22.

- исследовать аграрные преобразования в средневожской деревне и положение крестьянства в условиях допуска рынка;
- проанализировать трансформацию рыночных отношений от конъюнктуры к конъюнктуре;
- выявить особенности повседневной жизни городского и сельского населения региона в изучаемый период.

Хронологически исследование охватывает весь период 1920-х годов: с момента введения НЭПа в 1921 г. и до времени его изживания к 1929 г. согласно представлению, сложившемуся и утвердившемуся в исторической науке в конце 80-х начале 90-х годов XX века. Следует иметь в виду, что период НЭПа неотделим от предшествующего этапа – первых послереволюционных лет, ведь его введение было обусловлено противоречиями и кризисными явлениями российского общества в результате политики «военного коммунизма». Поэтому в исследовании анализируется политическая обстановка в регионе в 1920 году, а также приводятся сравнительные данные по социально-экономическому состоянию Поволжья в конце XIX – начале XX вв.

Географически данный регион для 1920-х годов нас интересует в составе Татарской республики, Ульяновской, Самарской, Саратовской губерний по соображениям: схожести исторического прошлого этих районов, долгое время являвшихся как бы внутренними колониями (в экономическом смысле) центральной России; однотипности их хозяйственного развития как, главным образом, аграрных областей; многонационального состава населения; местонахождения большей части районов в центре Волжско-Камского бассейна; идентичности природных и климатических условий на основной территории региона и некоторым другим. Общие естественно-географические, исторические, экономические черты определили взаимосвязь и целостность указанных территорий. Не случайно большая их часть вошла в состав Средне-Волжского округа, который был официально определен в ходе Всесоюзной переписи населения³.

На защиту выносятся следующие положения выполненного исследования:

1. Изучение социально-экономических процессов и повседневности на основе человеческого измерения преобразований 1920-х годов позволяет определить даже на средневожском региональном уровне изъяны НЭПа как органические пороки системы централизованного планирования, по сути не способной обеспечить эффективное действие хозяйственного механизма и достичь качественного уровня жизни широких слоев населения.

³ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1929.

2. Сложности восстановления региональной промышленности и низкие показатели трестированных предприятий следует считать закономерным результатом вышеуказанного обстоятельства, когда фактическое право собственности на редкие в тех условиях ресурсы принадлежало бюрократии в лице сначала главков, потом – синдикатов и непосредственно руководителей производственных объединений, которые в условиях непрозрачности системы распределения доходов так бесконтрольно распоряжались прибылями, дискредитируя принцип самостоятельности предприятий, что за весь период НЭПа им не удалось не только интенсифицировать производство, но в отдельных случаях даже его наладить. НЭПовская схема организации промышленности не решала задачи удовлетворения растущего спроса населения на товары: она была материальной базой формирующейся партийно-производственной номенклатуры, ставшей впоследствии «государством в государстве».

3. Продразверсточный характер продналога, сохранявшийся таковым весь период НЭПа, стал непреодолимым препятствием на пути увеличения доходности крестьянских хозяйств, их вовлеченности в рынок. Все усилия средневожского крестьянства были направлены на решение потребительской задачи, выполнение которой для основной его массы давалось очень тяжело. Перманентно голодное состояние сельского населения как основная причина негативного отношения крестьян к власти, протестных настроений в Среднем Поволжье, было логическим завершением политики выдавливания из хозяйственной жизни крепких крестьянских хозяйств, компенсируемого преференциями и скудным финансовым вспомоществованием беднейшим слоям.

4. Институциональная незащищенность рынка не позволила полностью реализоваться предпринимательскому потенциалу региона, особенно сильному в Татарской республике. В результате политики огосударствления созданная частным капиталом экономическая конъюнктура сменилась конъюктурой – плановым ведением торговли для ослабления конкуренции, – разрушившей хрупкую систему хозяйственных связей, способствовавшей замедлению темпов накопления, сокращению доходности, кредитоспособности, непосредственно влиявших на снижение уровня качества жизни населения региона.

5. Неустойчивый характер социально-экономического развития, обусловленный данными факторами, вызвал нестабильность повседневной жизни, выраженной отсутствием предметов первой необходимости, продовольственной напряженностью, нарастанием жилищной катастрофы, безработицей, усилением кризиса семейных отношений и множеством мелких житейских проблем, которые человеку приходилось разрешать, вырабатывая индивидуальную стратегию выживания на основе ежедневной практики применения классовых норм.

6. Яркая внешняя сторона НЭПовской повседневности не совпадала с её внутренним содержанием как психоментальным основанием действительности. Чувства и восприятия простых людей, отражающие их глубо-

кое разочарование в новой реальности из-за несбывшихся, прежде всего, социальных ожиданий, являются индикатором состояния социальной атмосферы, подающим скрытые, но важные сигналы радикализации общественного сознания и возможности резких социодинамических изменений в стране.

7. Следует признать, что низкая эффективность НЭПовской экономики, не имевшей возможности выбирать лучший вариант хозяйствования, и неудовлетворительный уровень качества жизни людей в 1920-е годы – объективное основание для отказа от всякого рода радикальных преобразований в пользу постепенных изменений, щадящего режима перехода от традиционности к модернизации с учетом неизбежных материальных и психоэмоциональных затрат человека, который должен «выдержать реформу», став её целью, а не жертвой.

Научная новизна исследования выражается в комплексном анализе узловых проблем НЭПа, в исследовательской доминанте человеческого измерения социально-экономических преобразований, в изучении граней повседневности в средневолжском регионе в 1920-е годы и состоит в следующем:

- на основе введения в научный оборот значительного количества неопубликованного архивного материала и опубликованных документов выстроена широкая панорама жизни населения с опорой на динамические ряды разнообразных показателей в хозяйственной и повседневной сферах (в результате авторских подсчетов данных по состоянию промышленного производства, торговой сети, доходно-расходных статей бюджетов городского и сельского населения, их питанию);
- вся документальная база оценена через призму научной критики с предпочтением критериев искренности и достоверности, как максимально выявляющих противоречивую природу советских источников для воссоздания наиболее адекватной, а значит, достоверной картины 1920-х годов;
- в рамках анализа институциональных условий реализации принципов НЭПа восстановление промышленности, сельского хозяйства, торговли представлено как сложный процесс противоборства власти и рынка вследствие вынужденного «допуска» частного капитала в хозяйственную сферу, а затем грубого выдавливания его из системы экономических отношений;
- нестабильность в результате неустойчивого социально-экономического развития определяется как основная черта повседневности; некоторые параметры качества жизни, например, по питанию, оцениваются выше у горожан, чем у сельских жителей, но её низкий уровень в целом характеризуется как главный итог НЭПа, обосновывается как доказательство неспособности системы централизованного планирования создавать благоприятные условия жизнедеятельности;
- государственный произвол, правовая незащищенность, отсутствие реальной опоры в новой действительности и осознание собственного

бессилия что-либо изменить в ней обосновываются как факторы, формирующие устойчивую рефлексию человека, полную сомнений и разочарований в новой и сожалений об утрате прежней жизни;

- крайняя форма несогласия – протестные настроения средневожского населения – квалифицируется как знак системного сбоя, где противостояние власти и общества есть следствие противоборства власти и рынка;

- отсутствие правовой защищенности частного капитала, не сумевшего реализовать свой потенциал в ходе восстановления, лишило плановую экономику возможности двигаться к достижению стратегических, модернизационных целей, где задача улучшения качества жизни, как условие её стабильности – одна из основополагающих.

Важно отметить, что в таком масштабе исследование состояния и развития Среднего Поволжья в период НЭПа выполнено в отечественной историографии впервые.

Методологическую основу исследования составили принципы исторического познания: историзм, объективность, комплексность научного анализа, наряду с которыми использовались методы систематизации, периодизации, репрезентативности, массовости, а также проблемно-хронологический, сравнительно-сопоставительный, системно-структурный, конкретно-исторический и критический подходы к источникам и историографии по исследовательской тематике.

Теоретическая значимость работы обеспечена: приращением нового знания через введение в научный оборот солидного объема архивного материала; использованием комплексного подхода, включающего разработку малоизученной сферы НЭПа – повседневной жизни населения, наряду с традиционно исследуемыми аспектами проблемы; обоснованным выбором и опорой на принципы многомерной методологии и научной критики, раскрывающими историю региона во всём многообразии происходивших явлений и поэтому воссоздающих максимально правдивую картину прошлого.

Практическое значение состоит в том, что обширные экономические сведения и статистические данные, результаты всевозможных исследований и аналитических обзоров могут быть использованы для сравнительного изучения динамических рядов современной и НЭПовской хозяйственной деятельности, при подготовке различного рода справочной литературы, а также в создании крупных обобщающих трудов, учебников, где средневожский регион будет осмыслен в свете новой информации, существенным образом расширяющей известные представления о нём.

Апробация исследования. Диссертация рассматривалась на кафедре истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, дважды обсуждалась на кафедре Современной отечественной истории Казанского государственного университета. Автор внимательно отнеслась к высказанным пожеланиям и замечаниям, значительную часть которых ей удалось реализовать. Основные положения

и выводы исследования отражены в изданиях ВАК, монографии, научных публикациях.

Структура. Диссертация состоит из введения, пяти глав, содержащих 86 таблиц, заключения, 15 приложений, списка использованных источников и литературы. Общий объем работы – 565 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается актуальность проблемы, выделение её в самостоятельную тему; дается общая природно-климатическая, экономическая, социодемографическая⁴, а также национального состава населения характеристика региона; определяются хронологические рамки, цель, объект, предмет и задачи, методологическая основа, теоретическое и практическое значение работы.

Первая глава «Историография и источники» раскрывает эволюцию взглядов политиков, историков, экономистов, публицистов на проблематику НЭПа, формировавших определенные направления историографической мысли в разные периоды отечественной истории; освещает источниковую базу исследования на основе актуальных подходов научной критики.

Первый параграф «Обзор литературы» построен на характеристике двух этапов в историографии НЭПа: первого, советского – с 1920-х по 2-ю половину 1980-х годов; второго, постсоветского – с начала 1990-х годов по настоящее время.

Анализ выполнен с опорой на наиболее крупные историографические обзоры⁵, в которых разнообразные оценки НЭПа рассматриваются как последовательная смена интерпретаций ленинско-сталинской концепции советского периода и как попытка многомерного осмысления этого сложного политико-экономического и социокультурного феномена современного этапа российской историографии.

Уже в 1920-е годы появилось огромное количество исследовательской, научно-популярной и всякого рода пропагандистской литературы, отразившей сложности социально-экономического и политического преобразования России, а также разные взгляды на этот процесс теоретиков и практиков социалистического строительства. Данные работы условно делятся на две группы: исследования либеральной ориентации и литературу формирующегося ленинского направления.

⁴Состав городского и сельского населения Татарской республики, Самарской, Саратовской, Ульяновской губерний в 1926 г. см.: приложение 1 в наст. дисс. С. 519.

⁵См.: *Берхин И.Б.* Некоторые вопросы историографии новой экономической политики в СССР // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 28–45; *Климов Ю.Н.* Историография новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 128–132; *Дмитренко В.П.* Проблемы НЭПа в советской историографии 1960–1970-х годов // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М.: Наука, 1974. С. 260–302; *Данилов В.П.* НЭП и его судьба // Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 122–190; *Алексеева Е.А.* НЭП в современной историографии: Дис.... канд. ист. наук. М., 1995; *Орлов И.Б.* Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–117.

Если представители либерального вектора общественной мысли не питали иллюзий по поводу перспектив НЭПа и подвергали острой критике новый политический курс⁶, то авторы работ традиционалистски-марксистского направления в своих суждениях были не столь категоричны и в рамках установившихся доктринальных установок анализировали реально протекающие политико-экономические и социальные процессы как в масштабе страны⁷, так и на региональном уровне⁸.

Литература 1920-х годов стала исследовательским фундаментом истории НЭПа. Будучи его современниками, авторы вышеперечисленных работ волей-неволей были «вынуждены идти не от абстрактных идей к жизни, а от самой жизни». Сочинения последующих десятилетий I этапа отечественной историографии отражают движение исследовательской мысли в обратном направлении, основательно деформировавшим научные разработки 1920-х годов. Возникла так называемая ленинско-сталинская концепция НЭПа, в рамках которой были выдержаны все публикации 1930-1940-1950-х годов.

В 1960-е годы активно разрабатывался ленинский тезис о НЭПе как «отступлении» от генеральной линии социалистического строительства⁹, в 1970-е годы акцент был перенесен на исследование проблемы госкапитализма, товарно-денежных отношений¹⁰, но фактическое содержание работ историков этого времени подчинялось главному положению сталинской концепции – принципу классовой борьбы, который, надо признать, и отражал реальную историю 1920-х годов.

⁶ См.: Бруцкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург: Право, 1922; Сорокин П. Россия после НЭПа. Крестьянская Россия. Прага, 1923//Вестник Российской Академии наук. 1992. № 2; Статьи А.Рафаловича, В.Чубутского, В.Штейна //Экономист. 1922. № 2; Статьи С.Прокоповича, С.Кона, Л.Пумпянского, А.Югова, С.Шермана //НЭП: взгляд со стороны. М., 1991 и др.

⁷ См.: Бухарин Н. Избранные произведения. М.: Наука, 1988; Большаков А.М. Деревня 1917–1927 гг. М., 1927; Кактынь А. Новая экономическая политика и «Ножницы». М.: Красная новь, 1924; Кабо Е. Питание русского рабочего до и после войны. М.: Вопросы труда, 1926; Крицман Л. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1926; Литошенко Л.Н. Эволюция и процесс крестьянского хозяйства. М., 1923; Ларин Ю. Советская деревня. М., 1925; Макаров Н.П. Организация сельского хозяйства. М., 1926; Первушин С.А. Обследование питания населения и его значение. М., 1921; Преображенский Е.А. Новая экономика: Опыт теоретического анализа советского хозяйства. 2-е изд. Т. 1. Ч. 1. М., 1926; Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990; Сокольников Г.Я. Государственный капитализм и новая финансовая политика. М., 1922; Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 году: Статистико-экономический очерк. М., Л.: Вопросы труда, 1924; Студенский Г.А. Проблемы организации крестьянского сельского хозяйства. Самара, 1927; Феноменов М.Я. Советская деревня. М., 1926; Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. 2-е изд. М., 1926; Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1991; Юровский Л. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М., 1926 и др.

⁸ См.: Алексеев А. Об областном промышленном районировании //Нижнее Поволжье. 1925. № 1; Артищев Р.Т. Бюджеты самарских рабочих. Самара, 1925; Баскин Г.И. Средне-Волжская область и её границы. Самара, 1925; Винавер И. Промышленность Саратовской губернии за 8 лет //Нижнее Поволжье. 1925. № 10; Ермолаев В.М. Сельское хозяйство ТР за 10 лет //Труд и хозяйство. 1927. № 10; Миловзоров А.Ф. Рыночный оборот в крестьянских хозяйствах Саратовской губернии. Саратов, 1925; Малов П.Н. Состояние торговли Самарского округа //Среднее Поволжье. 1928. № 4; Раскин Я.М. Промышленность Средне-Волжской области //Среднее Поволжье. 1928. № 3; Спектор Г.В. Пять лет землеустройства в Самарской губернии. Самара, 1925; Усольцев В.Ф. Как живет и питается рабочий г.Казани. Казань, 1926 и др.

⁹ См.: Берхин И.Б. Указ. соч.

¹⁰ См.: Дмитренко В.П. Указ. соч.

Несомненно, литература 1970-х годов создавалась на более расширенной источниковой основе, о чем свидетельствует количество (свыше 500) вышедших в свет всевозможных публикаций, а также кажущееся тематическое разнообразие НЭПовской проблематики¹¹. Однако фактографический материал был подчинен тенденциозному подбору, обосновывающему роль Коммунистической партии в осуществлении НЭПа. Это являлось главной задачей историков, для решения которой им пришлось пожертвовать научными принципами. Кардинальные проблемы истории НЭПа потонули в мелкотемье, хронологической дробности, а скудость источниковой базы исследований и непрерывное комментирование теоретических положений вождей и решений партии неизбежно определили схоластический характер литературы этого периода. Данные наиболее характерные проявления исследований советского этапа объективно сформировали её главную черту – регрессивность, выраженную в искусственном сдерживании научного поиска, слепом следовании догме и вере в непогрешимость воззрений вождей. Эти факторы негативно повлияли не только на нэповскую проблематику. Они обусловили трагическую судьбу советских историков, лишенных возможности альтернативной постановки исследовательских задач, под страхом жесточайших наказаний и отлучений от науки. Но все вышеперечисленные черты первого периода историографии были категорически вызваны условиями советско-коммунистического режима тех лет.

Истекшее двадцатилетие, безусловно, представляет самостоятельный этап отечественной историографии, основу и логику которого определяет процесс движения учёных «к историческому синтезу, отходящему от идеологической тенденциозности и предвзятости, схематического изложения событий, лишенных культурно-исторического контекста»¹². Новый этап положил начало переосмыслению НЭПа с позиций альтернативности¹³, многовариантности путей развития советского общества в контексте цивилизационной парадигмы¹⁴, модернизационного подхода¹⁵, на основе анализа массового сознания¹⁶, постановки проблемы его маргинальности и в целом его тоталитарной направленности¹⁷. В последние годы XX – нач. XXI вв. интенсивно разрабатывается исследовательское поле социальной

¹¹ См.: *Там же*.

¹² Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917-1930-е годы) //Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2-х тт. М.: Наука, 2002. Т. 1. С. 110.

¹³ См.: Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. НЭП и его судьба //Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988.

¹⁴ См.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина //Вопросы истории КПСС. 1988. № 8; Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые-сороковые //Знание сила. 1988. № 2; Лацис О. Перелом// Знамя. 1988. № 6; Ученые обсуждают: История – процесс? История – драма? //Знание-сила. 1988. № 7.

¹⁵ См.: Козлова Н.Н. Как мы делали наш выбор //Свободная мысль. 1991. № 17; См.: Лацис О. НЭП: цивилизационный аспект //Свободная мысль. 1991. № 18; Черняк Е.Б. Цивилизации и революции //Новая и новейшая история. 1993. № 4.

¹⁶ См.: Ибрагимова Д.Х. Социально-аграрная политика государства в массовом сознании сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1995.

¹⁷ См.: Алексеева Е. Указ. соч. С. 78.

истории 1920-х годов¹⁸, истории повседневности НЭПа¹⁹, требующее своего освоения и на региональном уровне.

Со второй половины 1990-х годов учёные Среднего Поволжья начали активную разработку таких вопросов НЭПовской проблематики, как государственная и частная промышленность²⁰, крестьянские хозяйства, налогообложение крестьянства и аграрная политика советского государства²¹, социальная и финансовая политика, развитие культуры средне-волжского региона²² и др.

Интересны материалы 3-й Всероссийской летней школы²³, посвящённые изучению многообразия дискурсивных практик и исторических проявлений провинциальной городской повседневности 1920-х годов²⁴; заслуживают внимания доклады и сообщения участников региональной научной конференции в январе 2003 г.²⁵, свидетельствующие о росте исследовательского интереса ученых Среднего Поволжья к социальным вопросам истории 1920-х годов²⁶.

Освоение новых подходов подготавливает почву для комплексного анализа региональной истории НЭПа, в котором наряду с традиционно изучаемыми вопросами (промышленность, сельское хозяйство, торговля и проч.), рассматриваются проблемы человека 1920-х годов, его «окрестностей» – быта, ментальности, интересов, мотивации (Н.Л. Рогалина). Как справедливо замечает И.Б. Орлов, то, что планировалось в Центре, именно

¹⁸ См.: Соколов А.К. Указ. соч.

¹⁹ См.: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской истории. М.; 1996; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-1930 годы. СПб., 1999. Нарский П.И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001; Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX нач. XX вв.). М. Тамбов, 2004; Данихно С.Н. Рабочие Юго-Востока России в годы НЭПа: История генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов-на-Дону, 2007 и др.

²⁰ См.: Лютов Л. Государственная промышленность в годы НЭПа. Саратов. 1996; Он же. Частная промышленность в годы НЭПа (1921-1929 гг.). Саратов, 1994; Коломыц О.Г. НЭП в промышленности Татарской республики: Дис. ... канд.ист.наук. Казань, 1995.

²¹ См.: Вещева О.Н. Аграрная политика советского государства в 1917–1927 гг. (на материалах Самарской, Симбирской губерний): Дис. ... канд.ист.наук. Самара, 2000; Давыдов Д.В. Крестьянство Татарстана в 1920–е годы: Историко-демографическая характеристика: Дис. ... канд.ист.наук. Казань, 2000; Марискин О.И. Государство тягло: Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004; Садыкова Р.Б. Крестьянство Татари на кануне коллективизации (1925-1928 гг.). Анализ и характеристика источников: Дис. ... канд.ист.наук. Казань, 1997; Шайдуллин Р. Крестьянство Татарстана: экономический и общественно-политический аспекты (1920-1929 гг.). Казань: ФЭН, 2004.

²² См.: Кузнецова Л.О. Социальная политика в отношении рабочих и служащих в годы НЭПа (по материалам Республики Татарстан): Дис. ... канд.ист.наук. Казань, 1996; Чуканов И.А. Финансовая политика местных органов власти Среднего Поволжья (ноябрь 1917-1929 гг.): Дис. ... докт.ист.наук. Казань, 2001; Он же. Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (по материалам Среднего Поволжья). М., 2001; Кочepasова Т.Ю. Развитие культуры в Среднем Поволжье. 1921-1925 гг.: Дис. ... канд.ист.наук. Ульяновск, 1997.

²³ См.: Повседневность российской провинции: история, язык, пространство. Материалы 3-й Всероссийской летней школы «Провинциальная культура России: подходы и методы изучения истории повседневности». Казань: Новое знание, 2002.

²⁴ См. статьи А.Сальниковой, С.Ю.Мальшиевой //Там же.

²⁵ См.: Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века. Сб. научных статей и сообщений. Казань, 2003.

²⁶ См. статьи И.А.Гатауллиной, Л.С.Тимофеевой, Н.А.Федоровой, Р.В.Шайдуллина и др. //Там же.

в провинции отливалось в законченные формы²⁷, добавим, модифицировалось на свой страх и риск. Сегодня нужно признать необходимым разработку и создание обобщающего исследования по истории НЭПа в российских регионах, среди которых Среднему Поволжью исторически определена роль уникального природно-климатического, этно-социального, экономического образования.

Второй параграф «Характеристика источников». Классификация использованных в работе документов проведена в соответствии с современными подходами и уровнем источниковедческого анализа²⁸, с акцентом на двух важных критериях научной критики: искренности и достоверности, имеющих цель – выявление ложных заблуждений и утверждений²⁹. Их использование позволяет глубже понять особую природу советских источников, подвергшихся в 1920-е годы сильнейшей идеологизации. Весь имеющийся в нашем распоряжении источниковый материал разделен, условно говоря, на пять видов:

- I – законы и нормативные акты,
- II – статистические данные,
- III – делопроизводственные документы,
- IV – периодическая печать,
- V – материалы личного происхождения.

Первая группа отражает институциональные условия реализации НЭПа. Законодательная база была фундаментом практической политики правящей партии и соответственно имела достоверный характер. На этой основе принимались решения, выполнение которых обеспечивало движение страны в заданном направлении.

Вторая группа источников фиксирует экономические и социальные процессы в 1920-е годы, формирующие закономерности жизни во всем её многообразии, включая культуру и повседневность. Статистические данные, извлеченные из фондов архивов Татарской республики, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей, составили основу настоящего исследования. На наш взгляд, наиболее полные данные представлены в фонде Ульяновского губстатуправления (Р-101), где всё – сведения по моральной статистике, по посевным площадям, количеству скота в различные периоды, об острозаразных заболеваниях или результаты бюджетных обследований крестьянских хозяйств – имеет четкое обоснование источника, его обстоятельный анализ и обязательное сравнение исследуемых показателей с дореволюционным временем. Ярко выраженная аналитичность документов – отличительная черта материалов этого фонда. Документы систематизированы, разнообразны, хорошо сохранены, за исключением нескольких дел фонда, частично поврежденных из-за пожара.

Материалы фонда статистического управления Татарской республики (Р-1296) не столь разнообразны. В основном это сведения по учету

²⁷ См.: Орлов И.Б. Указ. соч. С 112.

²⁸ См.: Источниковедение новейшей истории. М.: РОССПЭН, 2004.

²⁹ См.: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 64.

мелкой и ценовой промышленности, о зарплате рабочих и служащих, о ценах, о количестве разного рода скота в крестьянских хозяйствах, разбивочные сведения по обследованию питания в 1921/22 гг. Информационный дефицит был восполнен данными из ф. (Р-1488) Наркомата по внутренней торговле ТАССР и ф. (Р-2727) Волжско-Камского областного отделения государственной экспертно-импортной торговой конторы «Госторга» в Казани, содержащими материалы по торговле и экономике средневожского края, включая сведения по Ульяновской губернии.

Самая скудная статистика - в фонде Саратовского статуправления (Р-1). В нем в основном представлены данные о количестве крестьянских и частновладельческих хозяйств, городского и сельского населения. Поэтому дополнительная информация по состоянию экономики губернии была извлечена из фондов по торговле (Р-441) и Рабоче-Крестьянской инспекции (Р-338). В последнем были использованы материалы по частной промышленности, работе товарных бирж. Однако сведений по питанию и моральной статистике в этих фондах обнаружить не удалось, и показатели качества жизни населения Саратовской губернии не нашли отражения в исследовании.

Фонд Самарского губстатуправления (Р-76) также недостаточно полон сведений о состоянии экономики губернии. Источником статистических данных стали конъюнктурные обзоры народного хозяйства, представленные в виде докладов, стенографических отчетов заседаний за 1925, 1926 гг., находящиеся в фонде (Р-81) Протоколов Президиума Губисполкома XIII созыва, с 1924/25 по 1927 гг.

Таким образом, материалы республиканского и губернских статуправлений составляют один из главных источников настоящего исследования. Статистические сведения вносят определенный порядок и ясность в поток разнообразной информации о Среднем Поволжье, лежат в основе ряда таблиц. Это позволило автору с некоторой долей условности выявить формирующиеся тенденции развития экономики региона, определить состояние той или иной её области.

Огромный пласт информации содержат фонды Наркоматов внутренней торговли. Наиболее информационно емким является фонд Комвнуторга ТАССР (Р-1488). В нем имеются сводные ведомости по выборочному учету частной торговли, обзоры торговой сети в кантонах, сведения о покупательном фонде деревни, внешнем товарообороте республики. Анализ документов показывает, что вопросы торговли в республике постоянно находились в поле зрения местных властей, их рассмотрению уделялось большое внимание. Фонд по торговле и кооперации Ульяновской области (Р-283), в основном, содержит сведения о состоянии и развитии волостных уездных и губернских ярмарок, тогда как информацию об оборотах бирж, торговых организаций, количестве выданных патентов пришлось извлекать из фонда Ульяновской губернской плановой комиссии (Р-334), в котором также сосредоточены сведения по государственной и частной промышленности, имеются разнообразные дан-

ные по экономическому положению Симбирска и губернии в целом. Изучение перспективных планов, полугодовых отчетов, конъюнктурных месячных обзоров, ведомостей по выборочному учету розницы позволило автору представить состояние и уровень торговли в Самарской (ф. Р-839) и Саратовской (ф. Р-441) губерниях. Фонд Саратовского губвнуторга (Р-441) наряду со сведениями по кооперативной, государственной и частной торговле, потреблению продуктов питания, экономике крестьянства, а также организации текстильного рынка, располагает сравнительными данными по торговле Татареспублики, Саратовской и Самарской губерний. На этой и вышеуказанных фондов основе составлены динамические показатели торговой сети Среднего Поволжья в целом³⁰. Состояние товарных бирж региона изучалось, в основном, по сведениям фондов Саратовской губернской (Р-322) и Казанской (Р-102) бирж. Эти материалы важны для понимания конъюнктурных и конъектурных процессов региональной торговли.

В фондах центральных российских архивов анализировались обобщающие сведения по состоянию экономики региона. Нормативные и протокольные документы, информационные сообщения, отчетные материалы фонда ВСНХ (Р-3429) Российского архива экономики отражают озабоченность местных властей тяжелым состоянием промышленности в начале 1920-х годов, отсутствием финансовых возможностей и технических средств для выхода из кризиса региональной экономики, для поиска эффективных методов её оздоровления. Протоколы совещаний СНХ фондов Госплана РСФСР (Р-4372), Особой комиссии СТО при Госплане СССР (Р-7019) содержат информацию об организации трестов в Среднем Поволжье, о материальном положении рабочих и служащих, их тяжелом повседневном существовании. Документы фондов Главкустпрома РСФСР (Р-1691), Союза съездов сельскохозяйственной кооперации СССР (Р-3983) раскрывают состояние дел в кустарной и мелкой промышленности, а также в промысловой кооперации Среднего Поволжья. Материалы фонда Комиссии по внутренней торговле РСФСР статистико-экономического управления (Р-8151) интересны сводными данными по региональной патентной ярмарочной торговле, а в фондах партийных органов центрального (Р-17) Российской Федерации и местных Республики Татарстан (Р-15), Республики Чувашии (Р-1) архивов социально-политической информации и исполнительных комитетов советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов государственных архивов Республики Чувашии (Р-125), Республики Мари Эл (Р-250), а также губернской плановой комиссии Ульяновской области (Р-334) сосредоточена ценная информация по экономическому районированию Волжско-Камского края, отразившему неоднозначность позиций Центра и региона в связи с необходимостью хозяйственного укрупнения района.

³⁰ См.: приложение 9, 10, 11, 12 в наст. дисс. С. 530 – 537.

Сведения, извлеченные из фондов Татарского Совета Народного хозяйства (Р-787), Народного комиссариата финансов ТАССР, ТатЭКОСО и бюджетных совещаний (Р-3452), а также Рабоче-Крестьянской инспекции (НАРТ Р-990; ГАСам. О. Р-796; ГАСар. О. Р-338), дополнили источниковую базу исследования. Обзоры по состоянию частной промышленности, аналитические записки по деятельности частного капитала выявляют место и роль последнего в региональной экономике; материалы разного рода обследований, экспертные заключения определяют качество и уровень жизни населения региона, а письма, жалобы и заявления в инспектирующий орган отражают удручающую картину их быта, повседневности.

Материалы этнографических экспедиций в российские деревни в 1923-1926 гг.³¹ содержат уникальную информацию о жизни населения НЭПовской России, как срезе социокультурной ткани общественных, социально-экономических, бытовых и прочих отношений людей. Зафиксированные фрагменты их жизни в переходный период помогают лучше понять и яснее увидеть скрытые за завесой революционного пафоса процессы трудного вживания людей в совершенно новую обстановку. Содержание этого источника позволяет согласиться с выводом, сформулированным В.Г.Тан-Богоразом: «Революция больше разорвала, нежели создала что-то новое»³². Любопытны материалы фонда письменных источников Национального музея Республики Татарстан³³. Афиши, рекламные проспекты, пригласительные билеты, программы концертов, торжественных, официальных или спортивно-развлекательных мероприятий – всё это «источниковые залежи» (И. Нарский), позволяющие восстановить те грани повседневности, которые не может зафиксировать делопроизводственная документация. Особой ценностью обладают фотоматериалы, так как передают дух эпохи, содержание и ритм повседневности.

Политические обзоры и ежедневные сводки ОГПУ³⁴, входящие в третью группу источников, отражают как общественные настроения, так и социально-экономическую обстановку в стране в интерпретациях спец-

³¹ См.: Старый и новый быт: Сб. под ред. В.Г.Тан-Богораза. Л., 1924; Революция в деревне: Очерки под ред. В.Г.Тан-Богораза. Ч. 1. М., Л., 1924; Ч. 2. М., Л., 1925; Обновленная деревня: Сб. под ред. В.Г.Тан-Богораза. Л., 1925; Комсомол в деревне: Очерки. Под ред. В.Г.Тан-Богораза. М., 1926 г.; Материалы обследования селений Ульяновской губернии, с.Ельшинка, Синельниково (Саратовская губерния), с.Майна (Самарская губерния), проведенного студентами педагогического института им.Герцена (Ленинград) в 1926 г. под рук. проф. Е.О.Зейлигер //См.: Крестьянский ребенок: Сб. статей. М.: Госиздат, 1928; Материалы экспедиции проф. В.В.Буша в Саратовскую губернию (Вольский уезд) в 1925/26 гг. //См.: Нижнее Поволжье. 1927. № 10.

³² Тан-Богораз В.Г. Предисловие //Революция в деревне. С. 17.

³³ См.: Национальный музей Республики Татарстан. Фонд письменных источников: П. 163. Промышленность Татарии 1920–1927 гг.; П. 165. Торговля 1920–1927 гг.; П. 168^а. Культура Татарии 1920–1927 гг.; П. 176. Здравоохранение в ТАССР. Благоустройство. Транспорт. 1920–1927 гг.

³⁴ См.: «Совершенно секретно...»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Сост. Л.Л.Колодников и др. М.: Изд. Центр Инс-та рос. истории РАН. Т. 1. Ч. 1: 1922–1923 гг.; Т. 2. Ч. 1: 1924 г. М., 2001; Т. 3 в 2-х ч.: 1925 г. М., 2002; Т. 4 в 2-х ч.: 1926 г. М., 2002; Т. 5: 1927 г.; Т. 6: 1928 г.; Т. 7: 1929 г. М., 2003; Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1998; Лубянка, Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936: Документы. М., 2003 и др.

служб, которые в целях безопасности могли пренебречь в передаваемой ими информации критерием достоверности. «Сгущение красок» в анализе происходящего в регионах, в частности, в Среднем Поволжье, представляется средством умышленным, чаще всего искажающим реальную картину³⁵. Поэтому массив разнообразной аналитической информации ОГПУ как источник с точки зрения критерия искренности небезупречен, но от этого не менее важен.

С этих позиций как неоднозначная оценивается периодическая печать (четвертая группа источников), воспроизводящая не только событийную сторону, но социокультурную атмосферу периода НЭПа.

Здесь обнаруживается общее свойство всех документов 1920-х годов: периодика первой половины представляется более искренней по сравнению с тем, что печаталось в прессе во второй половине 1920-х годов. Критический подход в освещении проблем хозяйственной жизни, быта городского и сельского населения сменяется залакированными материалами, отражающими контуры желаемой, а не реальной действительности. Предметом газетных восторгов становятся образы новой деревни, с сознательной молодежью, посещающей избы-читальни, с сознательным мужиком, улучшающим своё хозяйство день ото дня; нового города, с не менее сознательными рабочим и работницей, уверенно смотрящими в будущее и создающими новую жизнь. Надо признать, что все эти факты имели место в нэповской реальности, но их количество было столь незначительное, что все «новое» попросту «тонуло» в омуте беспросветных проблем «старого». Находясь в сетях непреодолимых сложностей бытия, человек чаще всего испытывал глубокое разочарование, совсем не подвигавшее его к оптимистическому восприятию действительности.

Наконец, V группу источников представляют материалы личного происхождения. Благодаря выходу в свет документальных сборников³⁶, содержащих различные формы апелляций граждан к государству, этот вид источника получил условный термин «письма во власть» и стал основой для изучения динамики общественного сознания в постреволюционный период, выявления особенностей специфической формы диалога между властью и обществом, властью и отдельным человеком, как суррогатного заменителя демократического механизма их взаимодействия.

Критически оценивая данный источник, можно утверждать, что огромная масса населения вряд ли лукавила, прося о насущном – работе, жилье, обещанной революцией справедливости и т.д. Жалобы по сути

³⁵ Представляется, что в данном источнике критерию искренности наиболее соответствуют те материалы, которые отражают общественно-политическую обстановку в стране конца 1920-х – начала 1921 г. Материалы «Совершенно секретно» свидетельствуют, что реальность была страшнее всякого вымысла. Поэтому в главе III, посвященной анализу средневолжской деревни в годы НЭПа, приводятся весьма обширные фрагменты из этих документов, отражающих накал протестных настроений крестьянского населения, вызвавший масштабное противостояние власти и общества в России накануне НЭПа.

³⁶ См.: Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН, 1998; Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М.: РОССПЭН, 1998; Дети Гулага. 1918–1956: Документы. М., 2002; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001 и др.

своей – акт искренности. Что касается высшей власти, возможно, и она была искренней, но только в отдельных случаях³⁷, строго ситуативно, поскольку не могла решить житейские вопросы миллионов людей за такой короткий период. Ведь эти проблемы касались разрешения глобального противоречия между традиционно-патриархальными основами жизни большинства населения и целями, способами форсированного преобразования общества. Доктриальные установки диктовали правила игры, её начало, продолжение и конец. По мере свертывания НЭПа потребность в диалоге со стороны государства исчезала, а коварство и расчет власти становились её очевидными характеристиками.

В исследовании, наряду с опубликованными, использовались архивные документы, в частности, материалы фонда Рабоче-Крестьянской инспекции НАРТ (Р-990) – заявления, прошения и письма, являющиеся своего рода зеркалом психоменталитета общества. Они не только отражают отношение населения к власти, как центральной, так и на местах, к наследию революции в сравнении с тем, что имелось в дореволюционной жизни. Их содержание вырисовывает главную фигуру НЭПовской эпохи – образ простого, удаленного от власти человека, и все то, что было «около» его.

Кроме указанных документов автор включает устные истории и воспоминания современников 1920-х годов (в форме интервью) – жителей Республики Татарстан, сообщивших наиболее запомнившиеся им факты социально-экономической и повседневной жизни. Несмотря на пожилой возраст интервьюированных, можно утверждать, что они были искренни в своих высказываниях, а сообщенные ими сведения – достоверны, так как в большинстве случаев они подтверждаются результатами исследования. Данные свидетельства позволили расставить личностные акценты в интерпретации действительности, усилив тем самым адекватность её отражения.

Комплекс представленных групп источников обеспечивает изучение социально-экономических процессов и повседневности НЭПа в регионе, в большинстве своем соответствуя критериям искренности и достоверности.

Во второй главе «Восстановление региональной промышленности и пути её развития» состояние средневожской материальной базы в 1920-е годы исследуется через призму коренной российской проблемы – пределов и степени вмешательства государства в рыночный процесс. Последний, являясь важным условием эффективного функционирования производства, выступает как фактор нового экономического районирования, которое, в свою очередь, позволяет формировать оптимальные векторы промышленного развития.

Первый параграф «Организационные формы и деятельность промышленных предприятий». Развитие основных производств в Среднем

³⁷ Формой обратной связи являлись, например, «Письма в деревню» *А.И. Рыкова*, составленные по записям его речей, произнесенных на крестьянских сходах во время съезда представителей пораженных неуродам вожских губерний // *Рыков А.И. Избранные произведения*. С. 375 – 385.

Поволжье в годы НЭПа осуществлялось на дореволюционной основе, когда в процессе капитализации российской экономики в одном из крупнейших регионов была создана достаточно разветвленная фабрично-заводская сеть заведений обрабатывающей и пищевой промышленности. Своеобразие Симбирской губернии определяло шерстообделочное, Саратовской – кожевенное, Казанской – кожевенно-текстильное и химическое, а Самарской – собственно пищевое мелкие и средние производства, ставшие результатом эволюции хозяйственной деятельности, главным образом, крестьянского населения³⁸.

Однако промышленную базу отдельных территорий составили немногочисленные, но наиболее сильные предприятия (казанские производства – мыловаренное – братьев Крестовниковых, оснащенное передовой техникой кожевенное – Алафузовых, акционерная компания Ушковых; симбирские суконные фабрики Акчурина; самарский завод братьев Маминых по механическому ремонту сельскохозяйственной техники и др.), которые представляли для власти ценность в смысле их реформирования в новых экономических условиях.

В начальный период НЭПа ввиду снятия предприятий с государственного снабжения, при истощенных запасах сырья и топлива, а также скудных финансовых возможностях, важно было сосредоточить все имеющиеся ресурсы на максимально меньшем их количестве, но наиболее крупных, оборудованных и рентабельных. Однако в новых условиях этим предприятиям не удалось полностью реализовать свой потенциал из-за противоречивости институциональной политики, в которой легализация рыночных отношений в экономике ставилась в жесткую зависимость от господствующей роли государства. Реорганизация средневожской промышленности показала, что трест является наиболее предпочтительной формой предприятий, позволяющей подчинить утратившие производственную, коммерческую и юридическую самостоятельность заведения единому управлению, что отвечало требованию момента³⁹.

Несмотря на стремительные темпы промышленной перестройки, когда всего за полтора года была сформирована новая структура предприятий, последние не смогли начать производственную деятельность: проблема финансового обеспечения была насущной. Выделяя деньги на организацию предприятий союзного значения, государство, тем не менее, вынуждено было признать, что «развить промышленность на такие средства вряд ли возможно»⁴⁰. В результате фосфоритные рудники треста «Фосфатотук» не функционировали, Бондюжский и Кокшанский предприятия, в основном, простаивали, едва вырабатывая 50% довоенного

³⁸ Роспись губернских производств и сведения по отраслям в довоенный период см.: приложение 2, 3 наст. дисс. С. 520-522.

³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7019. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁴⁰ Там же. Д. 131. Л. 3.

объема продукции, а трест «Симбирсклес» так и не сумел развить коммерческую деятельность вплоть до 1924 г.⁴¹

Если организация трестов обеспечивалась центральным финансированием, то предприятия местного подчинения начинали свою работу «без копейки субсидий»⁴². В этих сложных условиях, например, Татсиликаттрест был не в силах не только удовлетворить растущий спрос на стеклопосуду, но и приступить к налаживанию производства. Привязка трестов сначала к главкам, потом к синдикатам, обладавшим реальным правом распоряжения сырьём, реализацией продукции и, соответственно, средствами предприятий, делала последние изначально зависимыми от центральных структур.

Так, от излишней «опеки» синдиката «страдал» казанский мыловаренный завод, предприятия татарского кожевенного, фабрики Симбирского суконного (далее: ССТ) трестов. Срывы сырьевых поставок, острая продовольственная проблема, отсутствие надлежащей помощи предприятиям в ремонте производственного хозяйства вызывали острую критику управляющих ведомств со стороны руководства предприятий. «Топливный кризис наглядно показал, сколько вреда наносят промышленности разные Гублескомы, Губторфы, Губтопы, которые совершенно не заинтересованы в её работе»,⁴³ - отмечалось в докладе председателя Правления о работе ССТ от 9 мая 1922 г.

Декрет СНК и ВЦИК СССР о развитии коммерческой деятельности трестов, направленный на развитие самостоятельности предприятий в торговых операциях, вызвал оживление производства, способствовал усилению восстановительных тенденций. Анализ работы трестов, тем не менее, показывает, что этот процесс был неустойчивым, а вхождение трестированной промышленности в рынок носило искусственный характер. Функционирование производства обеспечивалось так называемыми запродажами, когда ссуды, кредиты, необходимые для приобретения сырья и топлива, строительства и выплаты зарплаты, предприятия получали в счет планируемой к выпуску продукции. Доходы предприятий от коммерческой деятельности распределялись нерационально, когда их большая часть шла на содержание центральных управляющих структур, а также на дополнительные выплаты определенным категориям рабочих и служащих, устанавливаемые по «классовому принципу»⁴⁴.

Непрозрачность системы использования финансовых средств не только сдерживала восстановительный процесс. Отчисление прибылей предприятий в СНХ «превращало властный орган в «государство в государстве», с которого те получали еще больше общегосударственных средств»⁴⁵. Хронический недостаток последних, некредитоспособность

⁴¹ См.: Там же. Л. 61.

⁴² НАРТ. Ф. 787. Оп. 1. Д. 497. Л. 8.

⁴³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 958. Л. 2 (об.).

⁴⁴ См.: НАРТ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 105. Л. 75.

⁴⁵ НАРТ. Ф. 3452. Оп. 1. Д. 365. Л. 17.

производств и, как следствие, завышенные цены на производимую продукцию отражались на показателях трестированной промышленности, которая по валовому обороту и объемам реализации значительно уступала нетрестированным производствам⁴⁶. Среди последних рыночный ресурс НЭПа наиболее полно был использован в мельничном хозяйстве. Быстрый оборот средств и отсутствие больших вложений обеспечивали высокую доходность средневожских мельниц, аренда которых составляла 69% от всех производств этой группы. Однако быстро распознав бесперспективность развития рынка вообще и в мельничном хозяйстве в частности, предприниматели действовали по принципу «хоть день – да мой, а там – трава не расти!»⁴⁷. Мотив «снятия жира» в виде неучтенного материала был основным для них, так как позволял арендаторам «долго задаром жить, но частью которого приходилось кое с кем делиться»⁴⁸.

Во второй половине 1920-х годов Мельтрест монополизировал право на ведение этой деятельности, мельницы были полностью огосударствлены. Но наиболее тяжелым следует признать положение акционерных обществ, которые из-за подчиненности трестам также были лишены свободы в своей хозяйственной деятельности.

История «Акмарчувлеса», а также «Казлеспрома» показывает, как, будучи рассчитанными на постепенное вхождение в систему рыночных координат, даже при наличии незначительного капитала, акционерные общества могли решать сложные хозяйственные задачи, выстраивая последовательную цепочку операций от частника-лесоруба до крупных лесозаготовительных организаций. Вторжение государства в работу акционерных обществ с целью распоряжаться их доходами нарушало действие собственно рыночного механизма, приводило сначала к их огосударствлению, а потом к ликвидации.

Второй параграф «Основные направления промышленного развития» раскрывает положение региональных производств во второй половине 1920-х годов, когда обострились имеющиеся и возникли новые проблемы, связанные с углублением действия рыночных начал в экономике.

Трестированная промышленность функционировала нестабильно. Так, металлтресты не удовлетворяли крестьянский спрос на плуги и сельскохозяйственные машины даже при предоставлении им заказов, долгосрочных банковских кредитов и материалов на их изготовление. Цены на промышленную продукцию «кусались» (например, при покупательной способности населения региона в 1924/25 гг. в 4 р. 81 коп. за плуг однолемешный нужно было заплатить 27 руб.)⁴⁹, сельхозорудия пылились на складах, а возросшая к середине 1920-х годов товарность

⁴⁶ См.: приложение 5 в наст. дисс. С. 524-527.

⁴⁷ Рафалович А. Указ. соч. С. 125.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ НАРТ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 242. Л. 56.

крестьянского хозяйства не обеспечивалась увеличением объема промышленного производства.

Трестам кожевенному, химического направления, напротив, удавалось интенсифицировать производственный процесс. Так, мыловаренный завод, «Пищетрест» к концу 1926 г. давали прибыль в бюджет Татреспублики, намечая расширение производства. Но государство, с одной стороны, было заинтересовано в коммерческой деятельности трестов и распоряжении их прибылью, а с другой, стремилось обуздать децентрализаторскую тенденцию в экономике, с помощью синдикатов ограничивая действие рыночного механизма. Став пайщиком Всесоюзного масложирсиндиката, мыловаренный завод уже не мог выходить за пределы плановых заданий по производству и сбыту всех своих товаров. Более того. Республика утратила способность самостоятельно выступать на сырьевом рынке из-за монопольного права Всесоюзного Кожсиндиката на заготовительные операции. Именно синдикаты лишали предприятия возможности свободного выбора покупателя и свободного согласования с ним цены продаж – двух фундаментальных образующих рыночного механизма. Тресты вырывались из этой зависимости и практически доказывали абсолютную ненужность посреднических структур. Но это были тщетные усилия. Огосударствление трестов, цензовых заведений было закономерным следствием централизованного планирования, формировавшего органические пороки экономической системы в целом.

Сложнее было управлять арендованными и частными заведениями. С одной стороны, за счет наличных средств частника государство решало текущие хозяйственные задачи, с другой – грубо ограничивало его деятельность, вводя запрет на приобретение сырья, расширение производства, использование наемной силы. Снижение доли частного капитала в промышленности региона к середине 1920-х годов подтверждает общую тенденцию по стране. Активное сопротивление средневожского предпринимателя государственному диктату характеризует особенности взаимодействия власти и рынка в этот период.

Так, деятельность татарских заготовителей и распространение кожпродукции арендованных заводов в Среднем Поволжье были столь масштабными, что синдикатам приходилось буквально отвоевывать кожевенные рынки, а государственно-кооперативные организации и вовсе не имели доступа к ним. Сокращение кредитования, налоговый пресс, угрожающие предписания Губфинотделов о запрете деятельности частников «выдавливали» последних из производственного процесса, и они, маскируясь под кооперативные артели, уходили в мелкое производство⁵⁰. Но и кустарно-ремесленные заведения оказались временным прибежищем для частника. Налоговое давление доходило до такого предела, что дальнейшая хозяйственная деятельность была невозможна. Поэтому частный капитал «крутился» в сфере снабженческо-сбытовых операций кустарной

⁵⁰ См.: ГАССР. О. Ф. 441. Оп. 1. Д. 10. Л. 59.

промышленности, обеспечивая её функционирование как таковое. Но слабая втянутость в рынок обусловила низкие показатели кустарного производства по сравнению с крупным, хотя объективно оно играло не менее важную роль как в вопросе поглощения избыточного населения деревни, так и в деле борьбы с безработицей в городе.

В целом промышленность Среднего Поволжья не решала главной на тот момент задачи – удовлетворение возрастающего спроса крестьянства на промышленные товары. Обрабатывающие и пищевкусовые производства, как наиболее соответствующие имеющимся в регионе ресурсам и сформировавшие в дореволюционный период добротные основания для их последующей капитализации и технической модернизации, существовали обособленно от рыночного процесса, лишь в слабой мере удовлетворяя насущные потребности населения. Идеологические приоритеты постепенно вытесняли экономическую целесообразность, «брали верх» над объективной реальностью и задавали ориентиры форсированного развития с опорой на тяжелую промышленность.

В третьем параграфе «Проблема районирования республик и областей в новых экономических условиях» анализируются сложности взаимодействия государства и рынка через призму неоднозначности подхода Центра и региона к вопросу о перспективах развития Среднего Поволжья и его отдельных территориально-административных единиц.

Необходимость укрупнения созданных в 1920-е годы национальных образований была насущной задачей НЭПа: рынок по природе своей не терпит национальных рамок. В этих условиях возникла значимая историческая интрига: какого масштаба должны быть создаваемые районы? Поскольку пестрый этнический состав населения являлся одной из специфических черт Среднего Поволжья, постольку национальный фактор играл огромную роль при обсуждении вопроса о наиболее эффективном пути экономического развития региона, когда для субъектов Российской Федерации нужно было принять или отвергнуть тот или иной вариант укрупнения. Так, когда Госплан РСФСР в 1921 г. выдвинул идею создания новых районов в виде производственного комбината, она встретила сопротивление со стороны партийных и хозяйственных органов образованных республик и областей Среднего Поволжья. На ход экономического районирования, совпавшего по времени с национально-государственным строительством, стало влиять национальное самоопределение татар, мари, чувашей и многих других народов, живших компактной группой на некогда единой экономической территории, которую ещё в феврале 1920 г. административная комиссия ВЦИК определила как Поволжский экономический район в составе бывших Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний.

Первоначальная районная сетка Госплана определила так называемую Средне-Волжскую область с центром в Самаре. Реакция входивших в неё республики, областей и губерний была неоднозначной. В частности, советские органы и общественность ТАССР, живо поддерживав-

шие идею экономического районирования и одними из первых начавшие работу по её практической разработке, не выразили своего положительного отношения. В 1922 г. правительство республики выдвинуло альтернативный проект по созданию Волжско-Камской экономической области с центром в Казани в составе Татарской АССР, Чувашской, Марийской и Вятской автономных областей; стало вести активную работу по его реализации, изучая материалы плановых и хозяйственных органов, регулярно совещаясь с представителями предполагаемых к вхождению автономий, внимательно относясь к их нередко колеблющейся позиции.

В 1923 г. в Самаре центральные органы проводили свои съезды, где обосновывались преимущества Средне-Волжской экономической области с точки зрения «безболезненного разрешения национального вопроса, скорейшего подъема национальных меньшинств»⁵¹. Однако от широких первоначальных планов Центру пришлось отказаться: позиция планируемых к вхождению в область субъектов страдала неустойчивостью. С одной стороны, их беспокоили неизбежный разрыв «исторически сложившейся экономической связанности» территорий, а также образование лишних бюрократических учреждений в этой связи⁵²; с другой, возможное вхождение в Волжско-Камский район всякий раз оговаривалось условиями, выставляемыми автономиями перед Татарской республикой, которая должна была финансировать их строительные проекты, решать жилищный вопрос, оказывать помощь в поставке оборудования, двигательной техники и т.п.

Вмешательство центральных ведомств в спор между Марийской областью и Чувашской республикой из-за малонаселенной территории с лесным массивом в размере 180 000 десятин, некогда входившей в состав Чебоксарского уезда Казанской губернии, а с 1920 г. – Чувашской области, где из 5200 чел. населения 4500 чел. были марийцами, определило отношение автономий к проекту Центра и выработало их позицию по поводу их вхождения в Волжско-Камский экономический район. Отторжение от Чувашии 75000 десятин леса учитывало волеизъявление марийцев, живущих на территории Чувашской республики, но стремившихся войти в Марийскую область⁵³. Однако Чувашия чувствовала себя уязвленной. «Как в интересах 4500 марийцев Левобережья можно пренебречь интересами 200 000 чувашей Правобережья?»⁵⁴ – резонно задавал вопрос секретарь Чувашобкома РКП(б) Томасов в своих многочисленных докладных записках в ЦК партии. Недоумевало и крестьянство, связавшее отход Левобережья с неспособностью автономий отстоять их интересы, а следовательно, бессмысленностью её существования. По их мнению, в царское время интересы крестьян удовлетворялись, а с образованием автономий стали попираются⁵⁵.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 27. Л. 90.

⁵² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 72. Л. 58.

⁵³ См.: Там же. Оп. 68. Д. 330. Л. 67.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 330. Л. 86.

⁵⁵ См.: Там же. Л. 93.

Решение партии укрепило позиции МАО: она стала ориентироваться на мнение центральных плановых органов. Чувреспублика в этой непростой для неё ситуации решила войти в состав Волжско-Камского района, хотя в идеале предпочла бы никуда не входить⁵⁶.

Борьба мнений Центра и региона за реализацию собственных замыслов шла на протяжении шести лет. За этот период неизменность своей позиции подтвердила только Татреспублика. Заметим, не без оснований. Проект ТР был направлен на сохранение национальной целостности народов мари, чувашей, татар, вотяков и их территорий во избежание разного рода конфликтов. Практика взаимного общения в процессе хозяйственного взаимодействия на протяжении столетий, несомненно, пошла бы на пользу в рамках создаваемого экономического района. Полагаем, что в условиях НЭПа были возможны компромиссные решения, направленные на получение взаимной выгоды, извлекаемой в результате совместной, прежде всего, производственной деятельности на данной территории. Но проект не осуществился. Центр, увидев в нем «угрозу национализма», объявил его реакционным. Краевым объединением в Поволжье стала Средневожская область с центром в Самаре. Марийская автономная область и Чувреспублика постановлением ВЦИК от 14 января 1929 г. вошли в образованную Новгородскую область, а Татреспублика осталась самостоятельным экономическим районом⁵⁷.

Не принижая значимости включения национальных автономий в состав крупных экономических единиц, представляется, что в основе политики и практики Центра по отношению к ним лежала идея государственного социализма, где всеобщее регулирование и централизация преобладают над экономической целесообразностью, а особенности национально-государственного устройства не учитываются. Объективно данные противоречия отражали проблемы развивающейся страны, вступавшей на путь масштабного индустриального развития.

В третьей главе «Средневожская деревня в годы НЭПа» рассматривается сложный процесс возрождения хозяйственной жизни и восстановления крестьянских хозяйств в регионе 1920-е годы.

В первом параграфе «Крестьянство и власть: на грани продовольственной и политической катастрофы» представлена кризисная картина общественно-политической обстановки в Среднем Поволжье накануне перехода к НЭПу.

Реквизиционные методы изъятия продразверстки, отчаянная борьба крестьян за физическое выживание вследствие военно-коммунистической политики были причинами сначала негативного отношения крестьян к власти, а потом собственно крестьянских восстаний в Поволжье. «Вилочный мятеж» и «чапанная война», охватившие, главным образом, уезды Казанской, Симбирской и Самарской губерний, уже в 1920 г. показали всю

⁵⁶ См.: Там же. Оп. 67. Д. 299. Л. 37.

⁵⁷ См.: ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 626. Л. 73.

глубину противоречий между властью и обществом, переросших в их противостояние. Драматические события начала 1921 г. не оставляют никаких сомнений в том, что власть стремительно утрачивала не только способность контролировать политическую ситуацию в регионе, но и доверие населения. Будучи «поставленной крестьянством на колени» (В. Булдаков), она вынуждена была ввести новую экономическую политику.

Ряд декретов, положений, вышедших после X съезда РКП(б), направленных на разрешение гнетущей атмосферы, не сразу успокоили население. «Правильное и спокойное ведение хозяйства на основе свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда»⁵⁸ декретировалось и декларировалось как приоритетная политическая линия новой власти. Анализ социально-экономического положения в регионе показывает, что продналог снял общественное напряжение, свободный обмен одобрялся крестьянами, но настороженность к нововведениям сохранялась из-за продолжающейся практики карательного способа изъятия у них продуктов, зерна, семян.

В результате весной 1921 г. в средневожских селениях поля засеивать было нечем. Это предопределило начало голода, когда уже с осени питание населения строилось на суррогатной основе. Но сбор продналога проходил без учета этого обстоятельства. «Берут налог, а выходит хуже прошлогодней разверстки! Все основано на обмане. Указано, что излишки – на улучшение своего хозяйства, а здесь выходит совершенно другое»⁵⁹.

Отождествляя продналог с продразверсткой, крестьяне не понимали смысла новой политики. Сбор обязательного платежа с урожая 1922 г. вызвал тяжелый продовольственный кризис и стал единственной причиной ухудшения положения крестьян⁶⁰, которые не только не стремились к «наибольшему вложению в землю затрат»⁶¹, а, напротив, сокращали посевные площади, продавали или забивали скот.

Фактически, политический кризис 1921 г. перерос в продовольственную катастрофу 1921/22 гг., показавшую, во-первых, невозможность введения рынка директивным способом; во-вторых, отсутствие институциональной защищенности собственности, деформирующее любые попытки её реализации.

В результате продналог действительно превратился в продразверстку, и все последующие законодательные акты были направлены на то, чтобы приостановить разрушительное действие порочной практики изъятия сельхозпродукции «до последнего зернышка».

Во втором параграфе «Крестьянское хозяйство: восстановительные тенденции и их результаты» анализируется ситуация в селениях Среднего Поволжья после принятия Земельного Кодекса (в нём переуступка прав на

⁵⁸ Собр. Узак. 1921. № 26-147. С. 153.

⁵⁹ Письма во власть: 1917-1927. М.: РОССПЭН, 1998. С. 278.

⁶⁰ См.: «Совершенно секретно...» Т. 1. Ч. 1. С. 487.

⁶¹ См.: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 387. Л. 1; ГАУО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 189. Л. 1; ГАСам. О. Ф. 839. Оп. 2. Д. 39. Л. 6.

землю допускала сдачу земли в трудовую аренду за уплату деньгами, применение наёмного труда) и в условиях действия Декрета ВЦИК «О едином сельскохозяйственном налоге»⁶². Нововведения власти в сфере использования земли вызвали определенные изменения в сельском хозяйстве, выразившиеся, прежде всего, в увеличении посевных площадей, но не в результате качественного улучшения обработки земли, а из-за необходимости потребительно застраховаться от голода, так и разверсточных норм продналога.

Законодательные акты 1923 г. по освобождению от уплаты налога беднейших слоев населения, сложению недоимок по натуральному налогу 1921/1922 гг., задолженности по ссудам или её отсрочке⁶³ объективно были направлены на совершенствование налоговой политики в деревне. Но фактически этими действиями власть страховала от голодной смерти лишь беднейшие слои населения, тем самым стимулируя их вступление в кооперацию.

Обследование средневожских деревень специальными комиссиями местных властей летом 1923 г. показало, что крестьянские хозяйства после пережитых испытаний были очень слабы и, конечно, стремились объединиться в артели, коммуны, товарищества, чтобы получить технику, орудия, рабочий скот для обработки земли. Однако эффективность этих объединений была низкой. Сельхозинвентаря не хватало, средств на его приобретение не было. В кооперативных лавках сырьё и продовольствие отсутствовали. «Частник и торгаш», приходившие на помощь сельчанам в решении насущных хозяйственных задач, ослабляли положение кооперации и делали её совершенно непопулярной в крестьянской среде.

1923 сельскохозяйственный год, считавшийся урожайным по сравнению с предшествующим периодом голода, излишков не дал. Поэтому очередной сбор продналога вызвал волну протестных настроений. Грубое обращение проинспекторов, простаивание в очередях у налоговых касс по 6-7 суток и порча находящегося все это время под открытым небом сдаваемого зерна были серьезным основанием для категорического отказа крестьян выполнять налоговые обязательства. Подобные факты заставляли их усомниться в искренности намерений властей, порождали безразличное отношение к НЭПу. «Часть крестьян смотрят на НЭП как на поворот к старому, другие как на временную меру»⁶⁴, отмечалось в сводках ОГПУ.

Законодательство 1924 г. вновь обратило внимание местных властей на дальнейшее развитие кооперирования, но не для улучшения сельскохозяйственного производства, а «для борьбы с частным капиталом» в деревне с помощью предоставления беднейшим слоям кредитов, налоговых льгот⁶⁵. Но и эти средства не были действенными. Намечившаяся тенденция увеличения посевных площадей была ослаблена засухой, а затем недо-

⁶² См.: Собр. Узак. 1923. № 42. Ст. 451.

⁶³ См.: Собр. Узак. 1923. № 97-969.

⁶⁴ «Совершенно секретно...» Т. 1. Ч. II. С. 722.

⁶⁵ См.: Собр. Узак. 1924. № 2. Ст. 261.

родом 1924 г., вызвавшими резкое снижение урожайности и, как следствие, сокращение скотоводства, поголовье которого стало постепенно увеличиваться после голода 1921/22 гг. В результате продовольственная обстановка в регионе снова ухудшилась. В начале 1925 г. 85% населения Самарской губернии питалось суррогатами, а 50% жителей Саратовской губ. – голодало⁶⁶. Все это ставило под удар доходность – главный показатель крестьянского хозяйства, который, например, в Симбирской губернии снизился на 50% по сравнению с дореволюционным периодом⁶⁷. Только к концу 1925 г. определилась рыночная направленность средневолжских хозяйств, о вовлеченности которых в денежный оборот свидетельствуют данные крестьянских бюджетов.

Среди рассматриваемых районов наибольший капитал в 648,3 руб. на 1 хозяйство имела Самарская губерния, которая занимала лидирующие позиции и в условно-чистом доходе на 1 хозяйство и на душу, составив 419,0 и 68,8 руб. соответственно. По показателю капиталов на 1 дес. сельскохозяйственной площади первое место занимала Ульяновская губ. (73,8 руб.), за которой шла ТАССР (62,1 руб.), потом Самарская губ. (27,2 руб.)⁶⁸. Однако в пересчете на душу населения доходность в регионе была низкой и составляла 29 руб., тогда как в Центрально-промышленном районе – 42,4 руб.⁶⁹. Душевые нормы приобретений товаров в крестьянских хозяйствах характеризуют губернии Среднего Поволжья как слабых потребителей, когда на 100 душ приобреталось 10 пар обуви или аршин шерстяной ткани⁷⁰.

Доходность крестьянских хозяйств обеспечивалась количеством землепользования, которое к середине 1925 г. сформировало в регионе преимущественно их середняцкий состав, в большинстве случаев обеспеченный инвентарем и землей⁷¹. Считавшийся устойчивым, этот тип хозяйств, тем не менее, чаще всего эволюционировал в бедняцкую группу, которая занимала вторую позицию в количественном отношении. В этих хозяйствах всегда имелся избыток рабочей силы и едоков при недостатке площади пашни. При нехватке средств для ведения хозяйства им приходилось продавать живой и мертвый инвентарь либо за деньги, либо за обработку. Не справляясь с землей, они сдавали её в аренду за плату более сильным хозяйствам, что и составляло их главный доход.

Зажиточная часть крестьянства количественно была наименьшей группой. Она производила излишки хлеба, скота, пользовалась наемным трудом и соответственно имела тесную связь с рынком. Однако много-семейность этой группы заставляла снижать её доходность до уровня

⁶⁶ См.: «Совершенно секретно...» Т. 3. Ч. 2. С. 335.

⁶⁷ См.: ГАУО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 95. Л. 5.

⁶⁸ См.: Труд и хозяйство. 1928. № 3–4. С. 41.

⁶⁹ См.: Студенский Г.А. Рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения. М., 1925 г. С. 63.

⁷⁰ См.: Литошенко Л. Емкость крестьянского рынка. М., Л., 1927. С. 10.

⁷¹ См.: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 362. Л. 16; ГАУО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 101. Л. 97.; ГАСар.О. Ф. 441. Оп. 1. Д. 228. Л. 113.

середняцкой или, как, например, в Татарской Республике, даже ниже середняцкого хозяйства⁷².

Самыми многоземельными считались кулацкие хозяйства, которые по сравнению с вышеперечисленными были и самыми сильными, но слабее своих дореволюционных предшественников. Их главной целью было не накопление в своих руках земельной собственности, а концентрация денежного капитала путем торговых и промышленных операций, кредитования местного населения, отдачи в аренду инвентаря, скота и прочее⁷³. С каждой из этих групп власть выстраивала особую систему взаимоотношений: на основе преференций с беднейшими слоями и запретов разного рода с зажиточными группами.

Такая избирательность вызывала протестную ответную реакцию последних в периоды налоговых сборов. Вырастив хороший урожай, получив излишки хлебной продукции, но не имея возможности их выгодно продать, крестьяне саботировали сдачу сельхозналога. Совпадение его со сбором земсуды и по страхованию, ошибочное определение доходности в сторону её увеличения и соответственно неправильное составление окладных листов вызвало недовольство всех слоев населения. Резко отрицательное отношение крестьян к продналогу подогревалось отсутствием в кантонах и уездах промышленной продукции либо её дороговизной.

Данные обстоятельства обусловили провал заготовительной кампании и экспортно-импортного плана 1925/26 гг., который завязал основной узел противоречий, получивший свою драматическую развязку во II половине 1920-х годов.

В третьем параграфе «Крестьянство в обстановке угасания НЭПа» показана картина нарастания социальной напряженности, ставшей закономерным результатом действия двух разновекторных тенденций восстановительного процесса: одной, ориентированной на использование административных принципов хозяйствования, и другой, рыночной, направленной на эволюционирование хозяйственной жизни в регионе.

Не видя в новой власти помощника в деле подъема своих хозяйств и уже не надеясь на её содействие, разочаровавшееся в проводимой политике крестьянство обратилось к идее создания крестьянского союза, который, по мнению зажиточных слоёв, «не только защитит их интересы, но позволит политически влиять на власть»⁷⁴.

Эти мысли активно циркулировали в селениях Поволжья, усиливая тем самым новую волну протестных настроений в регионе. Власть же, напротив, последовательно проводила линию избирательной поддержки «бедного и убогого мужика», видя в увеличивающейся доходности крепких хозяйств опасность для бедняцко-середняцких слоев крестьянского населения.

⁷²См.: Штуцер И. К вопросу о расселении крестьянства в ТР //Труд и хозяйство. 1926. № 4. С. 27.

⁷³См.: Большаков А. Указ. соч. С. 65.

⁷⁴«Совершенно секретно...» Т.4. Ч. 1. С. 590.

Во второй половине 1920-х годов издаются новые законодательные акты, направленные на создание благоприятных условий хозяйствования именно слабых и «впавших в нужду» середняцких групп⁷⁵. Но эти меры были не эффективны, так как ни кооперация, ни комитеты взаимопомощи как основные рычаги реализации этой политики по-прежнему не имели ни средств, ни орудий. Налоговые преференции бедняцким хозяйствам лишь усиливали раздражение остальных групп крестьянства, которые уже перестали проявлять заинтересованность в работе. Поэтому к 1928 г. главной стала проблема роста хозяйств, расширения посевных площадей, увеличения урожайности. Постоянная подвижность величины налога, признававшаяся даже руководителями центральных ведомств как недопустимая мера, усиливала негативный настрой крестьян. Рост недоверия к власти порождали слухи о переходе к продразверстке, из-за чего крестьяне на сходах принимали решения о том, чтобы хлеб не вывозить, а излишки закапывать⁷⁶.

В этих условиях административный нажим и угрозы по отношению к держателям излишков превращались в основное средство сбора всякого рода платежей. Описывалось имущество, последняя корова или лошадь, а при отказе добровольной сдачи хлеба циркулярно предписывалось «мести под метелку»⁷⁷.

Так, в конце 1920-х годов в средневожской деревне вновь, как и в начале 1921 г., возникло противостояние власти и крестьянства, которое, судя по настроениям масс, напомнило партийным руководителям канун вилочного восстания. Реализация рыночных начал в экономике, происходившая в условиях их постоянного отторжения, стала не созидательным, а деструктивным фактором нэповских преобразований. Решительно поддерживав аграрную революцию, средневожское крестьянство оценило её результаты как проигрышные в сравнении с их жизнью в дореволюционный период, надежда на возврат которой исчезала по мере угасания НЭПа.

В главе четвертой «Рынок и торговля в регионе: от конъюнктуры к конъюнктуре» прослежен процесс реализации принципов новой экономической политики в условиях нарастающего действия государства на рыночный механизм посредством регулирования цен.

Первый параграф «Власть и рынок: институциональные условия и особенности взаимодействия» раскрывает положения классической критики социализма и современных концепций рынка, согласно которым правительства не могут управлять рыночным процессом. Напротив, рынок должен управлять их деятельностью, максимально содействуя её эффективности. С этой точки зрения обосновывается тактика В.И.Ленина, который, признав ошибочной политику уничтожения рынка, «ввел НЭП» и

⁷⁵ См. Собр. Узак. 1928: № 47. Ст. 349; № 85. Ст. 566; № 90. Ст. 586; № 117. Ст. 737.

⁷⁶ См.: «Совершенно секретно...» Т. 6. С. 273.

⁷⁷ Там же. С. 124.

допустил торговлю⁷⁸. Именно разрешительно-регулирующие меры характеризуют институциональные условия реализации принципов НЭПа.

Законодательство начального периода уже заложило основы и отразило приоритет административного регулирования торговой деятельности предприятий как следствие объективной необходимости из-за остановки производства, отсутствия товарооборота и его условий (транспорта, связи, сети торговых заведений). Но по мере восстановления промышленности и крестьянских хозяйств, когда материальные условия обмена стали задавать рыночные векторы хозяйственной жизни, выяснилось, что «уменьше торговать заключается в том, чтобы заместить частный капитал во всех областях, не сокращая торгового оборота»⁷⁹.

Данный концепт стал основой резолюции XIII съезда «О внутренней торговле», которая определила её главную задачу – организацию «правильного снабжения потребителей», а мерой руководящего влияния государства – степень регулирования им рыночных цен. Для этого основная масса товаров концентрировалась в государственно-кооперативном секторе в соответствии с декретом о его преимущественном праве⁸⁰, частник же, занимая подчиненную к данным контрагентам позицию, должен был бороться за выживание, всегда рискуя быть уличенным в нарушении законодательства. Рынок вырывался из административных тисков, заставляя власть ослаблять контроль, что способствовало динамичному развитию хозяйственного механизма в целом. При усилении управления рынок хирел, что сразу негативно отражалось на состоянии формирующейся экономики 1920-х годов.

Во втором параграфе «Рыночная конъюнктура начала НЭПа» представлен процесс высвобождения региональной экономики из жестких рамок rationирования эпохи «военного коммунизма». Рыночный старт, данный X съездом РКП(б), совершенно не означал моментального складывания рыночной конъюнктуры. Её важные составляющие отсутствовали, производство было парализовано, сельское хозяйство – обескровлено нещадными реквизициями, а население выживало благодаря мешочничеству. Голод в Среднем Поволжье поднял рейтинг вольного рынка, где, по сообщениям командированных из Москвы представителей центральных ведомств, «из продуктов всегда можно было приобрести все, кроме, разве что птичьего молока», а из промтоваров – одежду, занимавшую остродефицитную позицию в товарообмене⁸¹. В условиях абсолютно разлаженного рыночного механизма, нехватки и ограниченного распределения продуктов единственным спасительным средством, «рефлексом самосохранения» от физической гибели было воровство, следствием которого стали расстрелы по приговорам.

⁷⁸ См.: Прокопович С. Указ. соч. //НЭП. Взгляд со стороны. С. 20.

⁷⁹ Стенографический отчет XIII съезд ВКП(б): 1924 г. М., 1963. С. 386.

⁸⁰ См.: Советская товарная биржа. 20-е годы. Документы и материалы. М.: Дело, 1992. С. 24.

⁸¹ См.: РГАЭ. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

Свободный товарообмен, закон 1922 г. о выпуске банковских билетов, направленный на урегулирование денежного обращения и восстановление финансовой системы, сделали определяющим фактором рыночной конъюнктуры цены, которые постепенно установили денежную торговлю, ускоренную налоговым законодательством. Все торговые заведения при налогообложении делились на пять разрядов, что упорядочивало стихию рынка, структурировало его в рамках государственного, кооперативного и частного секторов. Такое деление, отсутствовавшее в до-революционной России, позволяло власти оценить возможности обобщественной торговли и силу частного капитала, который в первые годы НЭПа не имел себе равных в розничном товарообороте. Несмотря на то, что торговая сеть в регионе из-за голода стала формироваться на два года позднее, чем по стране, она проявила тенденцию стремительного роста. Лидирующие позиции частного сектора Татареспублики были особенно выразительны, что объяснялось завидной активностью в торговых операциях татарских предпринимателей по причине знания языков своих соседей⁸². Это позволяло им осуществлять свои интересы в региональном масштабе как до революции, так и в годы НЭПа⁸³.

В I половине 1920-х годов сформировались продовольственный, галантерейный, мануфактурный, кожевенный рынки. Но складывание цен определял хлебный рынок, который из-за низкой урожайности первых лет НЭПа был напряженным. Яичный и мясной рынки считались наиболее динамичными. Восстанавливающиеся после голода куроводство и скотоводство в крестьянских хозяйствах задавали рыночные параметры этого направления торговли. Возрождались средневожские ярмарки. Но тяжесть налогового бремени, смена районов экономического тяготения вызвали сокращение объемов ярмарочных продаж до 50% довоенного уровня⁸⁴.

В условиях сложностей восстановительного периода, слабой связи промышленности и сельского хозяйства торговля в целом носила примитивный, подавленный характер, который стал меняться в сторону большей централизации и упорядоченности, а на первых порах и динамики, в связи с возникновением товарных бирж, «возродившихся не единым приказом из Центра, а движением снизу»⁸⁵. Их деятельность вносила ясность в торговую конъюнктуру, формировала представления о состоянии рынка, выявляла спрос и предложение. Именно благодаря биржевой торговле к середине 1920-х годов сформировалась ценовая политика, появилось понятие рыночной цены, как эквивалентного соотношения пуда ржи и важнейших товаров широкого потребления, стимулирующего устойчивый спрос на крестьянском рынке.

⁸² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 72. Л. 207.

⁸³ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 1060. Л. 16.

⁸⁴ См.: ГАУО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 910. Л. 77, 102; ГАСар. О. Ф. 441. Оп. 1. Д. 309. Л. 7, 21.

⁸⁵ См.: Венгеров В. Товарные биржи в Союзе советских республик // Советская товарная биржа. – С. 93.

Сильное действие конъюнктуры в результате хорошего урожая 1925 г. способствовало не только стремительному подъему товарооборота в этот период, но и оздоровлению экономической ситуации в регионе. Цены на сельхозпродукцию росли, на промтовары – снижались, покупательная способность населения улучшалась. Но это состояние было неустойчивым, и ко второй половине 1920-х годов баланс государственно-кооперативного и частного секторов начинает меняться в пользу первого.

В третьем параграфе «Формирование конъюнктурных тенденций в региональной торговле» исследуются последствия административного влияния торговой политики на рыночный процесс. Основной тенденцией II половины 1920-х годов стал рост крупно-оптового товарооборота, сформировавший совершенно новую ситуацию в региональной торговле. В купле и продаже крупных партий товаров частный капитал имел большие шансы укрепить свое влияние в противовес госторговле и кооперации, что не могло не беспокоить регулирующие органы.

Задачу уничтожения мелкого оптовика, поставленную XIII съездом партии, власть решала комплексно, проводя в отношении частника жесткую кредитную и налоговую политику, ограничивая его деятельность на биржах, вводя регулирование цен. Но, несмотря на запретительные меры, он проникал в сферу оптовых операций, имел высокие показатели удельного веса в общих оборотах, например, 29,3% в Татарской Республике против 21,5% по СССР⁸⁶. Это доказывает силу предпринимательского сектора средневожской торговли, которую можно характеризовать как её региональную особенность. Но положение частника было сложным. Политика твердых закупочных и розничных цен позволяла госорганам теснить его на хлебном и мясном рынках. Создание монополистических объединений типа «Мельтрест», «Мясотрест» укрепляло позиции обобществленного сектора, усиливало конъюнктурные тенденции в торговле во II половине 1920-х годов. Чрезмерные суммы обложения вынуждали владельцев частных торговых заведений либо приостанавливать на время торговлю, либо «в целях снижения налоговых сборов менять их вывески», либо возвращать выбранные патенты и прекращать свою работу⁸⁷. Наиболее полно программа вытеснения предпринимателя из оптовой торговли реализовалась на кожевенном рынке, где деятельность заготовителей, особенно татарских, была наиболее активной⁸⁸.

Мероприятия регулирующего характера с целью планирования оптового оборота резко изменили характер биржевой торговли, где выросла доля дефектных сделок. В условиях запрета операций с частником, госорганы и кооперация, тем не менее, стремились к сделкам именно с ним, но во внебиржевом секторе, уклоняясь от их регистрации на бирже. Мотив ясен: частник был надежным партнером, операции с ним сулили реальную выгоду.

⁸⁶ См.: НАРТ. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 166. Л. 55.

⁸⁷ См.: ГАУО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1218. Л. 7.

⁸⁸ См.: ГАСар. О. Ф. 441. Оп. 1. Д. 217. Л. 15.

В зоне повышенного внимания Губторготделов была хлебная торговля. Твердые цены, запрет на размол частного зерна на госмельницах и скупку предпринимателями зерна сверх определенного количества, с целью «положить конец всем их ухищрениям», имели тяжелые последствия для экономики региона. В 1928 г. на почве продовольственных затруднений начались массовые выступления крестьянского населения, оценившего создавшуюся ситуацию так: «Теперь хуже, чем в 1921 году»⁸⁹.

Институциональная незащищенность собственности обусловила слабую результативность НЭПа и печальную судьбу рынка. Жесткий контроль всех его составляющих (опт, розница, биржи, ценообразование), преференции государственно-кооперативному и ущемление частного секторов – фактор, не только разрушивший хрупкую систему хозяйственных связей, но лишивший страну выбора наиболее эффективного способа экономического развития. Региональный рынок, как в годы НЭПа, так и в последующие десятилетия советской эпохи, характеризовался замедленными темпами накопления, бескредитностью, пониженной доходностью населения и хронической продовольственной напряженностью.

Глава пятая «Повседневность» посвящена анализу провинциальной «жизнщины» в 1920-е годы. Быт, мотивация, ментальность, интересы горожан и сельских жителей рассматриваются под углом зрения решающего влияния на «окрестности» человека материальных условий.

В первом параграфе «Проблема выживания населения в годы НЭПа» исследуется комплекс проблем повседневной жизни, среди которых основополагающей стала проблема питания. На основе анализа данных определены динамические ряды потребления городского и сельского населения в годы НЭПа. В соответствии с уровнем физиологической нормы произведен расчет основных компонентов калорийности, снижение которой означало наступление голода в регионе в 1921-1922 гг.

Среди городского населения⁹⁰ данные демонстрируют преимущественные позиции потребления рабочих в сравнении со служащими. Вместе с тем, выявляется, что при низком удельном весе количества потребляемых продуктов в целом, питание служащих было более сбалансированным: содержало больше белков и жиров. Расчеты показывают, что в 1921-1922 гг. рабочие и служащие питались лучше сельских жителей, но по физиологической норме уровень потребления горожан был в 2-3 раза меньше необходимого минимума.

Самая низкая норма потребления, стоявшая на угрожающем уровне в июне 1922 г. и составлявшая в день на 1 едока в Казани 2,490ф (996,0 г) или 1035 ккал⁹¹, стала выравниваться к октябрю 1922 г., и только с зимы 1922/23 гг. закончился период хлебного голодания. Главной причиной установления полноценного питания к середине 1920-х годов стало

⁸⁹ «Совершенно секретно...» Т. 6: 1928. С. 369.

⁹⁰ Подробную роспись социального состава городского населения Татарской АССР, Ульяновской, Самарской, Саратовской губерний см.: приложение 15 наст. дисс. С. 540.

⁹¹ См.: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 203. Л. 22.

восстановление крестьянских хозяйств, которые, оправившись от голода, стали поставлять городу продукты сельского хозяйства.

С октября по февраль 1925 г. горожане увеличили норму потребления белков животного происхождения, повысили величину потребления жиров и к маю достигли баланса питательных веществ в своем рационе. Выборочное обследование питания городского населения в 1926 году рисует довольно благостную, но неровную картину потребления. Рацион семьи учительницы или страхового агента в г. Самаре мог быть разнообразен и насыщен по калорийности, составлявшей в среднем 3041 кал на человека, тогда как многодетная семья бухгалтера питалась на порядок хуже и имела всего 1752,2 кал на едока⁹². Данные диспропорции формировали общую тенденцию снижения величины потребления городского населения, которая уже в феврале 1927 г. составила 41% от уровня 1925 г. по всем видам продуктов⁹³. Весной 1928 г. в ряде средне-волжских городов происходит переход на нормированное снабжение населения хлебом, предельный уровень которого постоянно снижался. Весь период НЭПа потребление сельского населения существенно не достигало до нормы и потому резко контрастировало с потреблением горожан. Недостаток жиров в питании горожан, мяса – у крестьян свидетельствовал о серьезных сбоях в экономической сфере, а благополучие городского населения носило относительный характер. Поэтому наметившаяся тенденция постепенного снижения уровня питания как тех, так и других, логически завершается продовольственным кризисом, когда, например, в Ульяновске в марте 1928 г. хлебная норма для работающих составляла 300 г, а для бедняцких хозяйств в деревне – от 100 до 200 г в день⁹⁴.

Проблема исследуется в контексте анализа данных по доходам и расходам отдельных групп городского и сельского населения, сравнительных показателей бюджетов отдельных административно-территориальных единиц, позволяющих наиболее полно показать низкий уровень жизни простых слоев средневолжского общества и складывающуюся привилегированность региональной номенклатуры. Широкое распространение проституции и безработица дополняли сложную социально-экономическую обстановку в регионе, в котором росла волна протестных настроений рабочих и крестьян к новой власти.

Во втором параграфе «Средневолжский город: жилищный вопрос, досуг, семейные отношения» рассматривается городская действительность 1920-х годов, отражающая переходное состояние общества от традиционности к новой социальности.

В центре внимания – жилищная проблема, уплотнительная политика властей и житейские коллизии в этой связи. Особенно сложной была ситуация в Татарской республике. Если в Самаре, согласно данным городской

⁹² См.: ГАСам. О. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3312. Л. 4.

⁹³ См.: Там же. Оп. 2. Д. 1426. Л. 8.

⁹⁴ См.: «Совершенно секретно...» Т. 7: 1929. С. 14, 15.

переписи населения 1923 г., на 1 комнату приходилось 2,2 души при средней площади на 1 жителя в 10 кв. аршин⁹⁵, то в Казани только 10% населения жили по 1 человеку в комнате, которая составляла 8,5 кв. аршин на 1 жильца⁹⁶. В 1924 г. в обращении к V Всетатарскому съезду Советов отмечалось, что жилищная проблема приобрела катастрофический характер⁹⁷.

Жилообеспеченность как главный критерий оценки жилищной ситуации, а не количество проживающих в отдельных комнатах, качество строений или их комфортность, лежал в основе жилищного кризиса в средневожских городах. Разрешить его не представлялось возможным не только в 1920-е годы, но и в последующие десятилетия до хрущевского периода массовой застройки, а в отдельных случаях – до последнего времени. Беседы с современниками НЭПа свидетельствуют, что, например, некоторые казанцы жили в постройках 1920-х г. вплоть до начала реализации республиканской программы Татарстана по ликвидации ветхого жилья конца 1990-х годов⁹⁸.

Кризисные явления в семейной сфере, взаимоотношения полов, сложное положение женщины, выступающей в роли матери и работницы одновременно, рассматриваются как неизбежные спутники переходного периода, исследуются с опорой на свидетельства современников, а также с использованием художественно-эстетического метода описания «жизнщины».

Через призму культурологического анализа изучаются разнообразные формы организации досуга. Он выступает как признак упорядочения жизни, в котором наряду с внешней стороной повседневности отражается её внутреннее содержание как психоментальное основание действительности. Чувства и переживания простых людей говорят об их глубоком разочаровании в новой жизни как результате несостоявшихся, прежде всего, социальных ожиданий. Реальность оказалась ловушкой для основной их массы. Старый мир был разрушен, новый – предстояло построить. В ситуации неясности и неопределенности гражданам новой России приходилось выстраивать индивидуальную стратегию элементарного выживания. Блеск и веселье города эпохи НЭПа, так же, как и витрины магазинов с изысканной снедью, были лишь видимой завесой его пороков и зол: безработицы, ужасных жилищных условий, продовольственной напряженности.

Третий параграф «Быт средневожской деревни» освещает крестьянскую повседневность в постреволюционный период.

Расстроенный быт, архаизация социальных взаимосвязей, отсутствие предметов первой необходимости были характерными её чертами на протяжении всего периода НЭПа. Растительное существование в голодные

⁹⁵ См.: Артищев Р.Т. Указ соч. С. 72.

⁹⁶ См.: Усольцев В.Ф. Указ. соч. С. 89.

⁹⁷ См.: Труд и хозяйство. 1924. С. XI.

⁹⁸ См.: Интервью с современниками 1920-х годов // Архив автора.

годы сменилось относительным благополучием к середине 1920-х годов, но тяжесть налоговой политики консервировала потребительскую направленность средневожских хозяйств, не позволяла деревне капитализироваться и модернизироваться. Поэтому крестьяне хлеб убрали серпами, обмолачивали цепами. Работая с утра и до ночи, они еле сводили концы с концами: голодали, экономили на всем, живя в лачугах с соломенными крышами, как правило, вместе со скотом. Керосин и глиняные чашки нарасхват в кооперативной лавке по случаю ярмарки в с. Павловка Самарской губернии осенью 1929 г. – результат десятилетнего строительства социализма в средневожской деревне, которая есть «бедность изо всех щелей»⁹⁹. Единственным средством выживания в этих условиях были взаимовыручка, готовность прийти на помощь ближнему, сельская солидарность, которые также, как самочинные суды, всплески коллективной агрессии имели вековую традицию. Анализ бытовой составляющей жизни средневожской деревни выполнен с использованием художественных приемов культурологического дискурса, а также интервью с современниками 1920-х годов.

Сельская повседневность отражала контуры глубоких социально-экономических противоречий, затянувших деревню в тугой узел трудно-разрешимых проблем. Все это оказало деструктивное воздействие на утверждение новой экономической политики в качестве долговременного принципиального курса, способствуя возвращению советско-партийного государства к «военно-коммунистической» идеологии, основанной на насилии политики в области аграрных отношений.

Заключение.

1. Опыт 1920-х годов показывает, что НЭП в специфических политико-экономических условиях советской системы стал символом торжества естественно-исторического процесса, пробившего себе дорогу, словно трава сквозь асфальт, после драматических военно-коммунистических лет.

2. Анализ опыта НЭПа в Среднем Поволжье выявляет прецедент грубого отношения власти к рынку. Регулирующие функции государства легко сменялись административными, вызывавшими негативные последствия в промышленности, сельском хозяйстве, в торговой сфере.

3. История НЭПа подтверждает, что рынок в условиях «допуска» не может выполнить свою функцию полностью и выступает неэффективным инструментом хозяйствования, средством манипуляции в руках государства для решения тактических экономических задач.

4. Опыт НЭПа доказывает, что степень и пределы вмешательства государства в экономику определяются и корректируются собственно рыночным процессом, все участники которого выступают равноправными партнерами, а не контрагентами. Институциональная и правовая защищенность частной собственности есть гарантия от государственного про-

⁹⁹ Акулицин Р. Зарисовки // Красная новь. 3 кн. 1929. С. 192.

извола, условие, предупреждающее формирование антирыночной ментальности – спутника классовой борьбы.

5. Человеческое измерение преобразований 1920-х годов выявляет равнодушие власти к человеку. Её апеллирование к представлениям о счастье, всеобщем равенстве и справедливости было неискренним, так как не согласовывалось с реальной действительностью. Множество насущных житейских проблем размывало морально-психологические основания реформ, сначала замедляя их продвижение, а затем сводя к отрицательным значениям.

6. Главным итогом социально-экономических преобразований в регионе стала нестабильность жизни, выражением которой являются протестные настроения населения, как показатель отрыва реформ от реальности и превращение их в чисто политическое мероприятие. Потеря жизненного равновесия вызывала у людей ощущение разочарования в НЭПе, который не реализовал их надежду на возврат стабильного миропорядка.

7. Региональный опыт НЭПа убеждает, что человек с его сложным восприятием изменений и трудной вживляемостью в процесс реформирования должен быть признан главным критерием оценки преобразования. Пренебрежительное отношение государства к человеку, а более широко – к рынку – оборачивается колоссальной потерей материального и человеческого ресурса, становящейся впоследствии антимодернизационным фактором.

Положения настоящего исследования отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Гатауллина И.А.* Новые источники по социально-политической истории Средневолжского региона в 1920-е годы //И.А.Гатауллина //Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 1(23). С. 192 – 198.
2. *Гатауллина И.А.* Региональная история 1920-х годов: к вопросу о методологии и методике преподавания //И.А.Гатауллина //Казанский педагогический журнал. 2008. № 1. С. 38-46.
3. *Гатауллина И.А.* Власть и рынок в Средневолжском регионе в годы НЭПа: институционные условия и опыт взаимодействия //И.А.Гатауллина //Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 18. Вып. 25. Сер. История. С. 85–97.
4. *Гатауллина И.А.* Питание городского и сельского населения Средневолжского региона в 1920-е годы //И.А.Гатауллина //Омский

научный вестник. 2008. № 5. С. 44-52.

5. *Гатауллина И.А.* Государственное регулирование промышленности в Средневолжском регионе в годы НЭПа: Опыт и уроки /*И.А.Гатауллина* //Омский научный вестник. 2008. № 6.
6. *Гатауллина И.А.* Городская повседневность Среднего Поволжья в 1920-е годы /*И.А.Гатауллина* //Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/3. Сер. История. Политология. С. 52-62.
7. *Гатауллина И.А.* Крестьянская повседневность: быт средневолжской деревни в 1920-е годы /*И.А.Гатауллина* //Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Том 150. Кн. 1. Сер. Гуманитарные науки. С. 156-164.

В других изданиях

8. *Апайчева И.А.* Хозяйственное взаимодействие республик Среднего Поволжья в годы НЭПа: история, опыт, проблемы. (Монография). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. 98 с.
9. *Гатауллина И.А.* НЭП в Поволжье: из опыта регионального реформирования / *И.А.Гатауллина* //Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2-х тт. М.: Наука, 2002. Т. 2. С. 124-127.
10. *Гатауллина И.А.* Повседневность как отражение качественных характеристик жизни населения Поволжья в годы НЭПа /*И.А.Гатауллина* //Проблемы и тенденции современного развития стран СНГ в условиях глобализации. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Пенза, 2002. С. 37-41.
11. *Гатауллина И.А.* Российская семья 20-х и конца 90-х годов XX столетия: особенности переходного состояния /*И.А.Гатауллина* //Актуальные проблемы семьи в современной России. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2002. С. 89-91.
12. *Гатауллина И.А.* Социально-демографическая характеристика населения Среднего Поволжья в годы НЭПа /*И.А.Гатауллина* //Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX в. Сб. научных статей. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 190–198.
13. *Гатауллина И.А.* Население Среднего Поволжья в 1920-е годы через

призму повседневности /И.А.Гатауллина //Историк и время. Проблемы социально-экономического и политического развития. Сб. научных статей. Казань, 2003. С. 78-86.

14. *Гатауллина И.А.* Власть и рынок в годы НЭПа: советская практика регулирования /И.А.Гатауллина //Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики. Сб. научных статей. Пенза, 2003. С. 106–109.
15. *Гатауллина И.А.* Историография НЭПа: методологические акценты /И.А.Гатауллина //Совершенствование преподавания в высшей школе. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 48-58.
16. *Гатауллина И.А.* Политика районирования в Среднем Поволжье в годы НЭПа: экономика и этничность /И.А.Гатауллина //Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005. С. 282-299.
17. *Гатауллина И.А.* Средневолжская деревня в годы Новой экономической политики /И.А.Гатауллина //Деп. в ИНИОН РАН № 59324 от 22.06.2005. 99 с.
18. *Гатауллина И.А.* Проблемы повседневности в Средневолжском регионе в 1920-е годы /И.А.Гатауллина //Деп. в ИНИОН РАН № 59346 от 30.06.2005. 97 с.
19. *Гатауллина И.А.* НЭПовская повседневность Поволжья: социально-психологический анализ «массовой маргинальности» в контексте модернизационной перспективы /И.А.Гатауллина //НЭП: Экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 481-501.
20. *Гатауллина И.А.* Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. (Монография). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 431 с.

ГАТАУЛЛИНА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА

**Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики:
Социально-экономические процессы и повседневность**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Корректурa автора
Подписано в печать 28.11.2008.
Форм. 60x84 1/16. Печать ризографическая.
Бумага тип №1. Печ. л. 2,5. Тираж 120. Заказ

ПМО КГАСУ
420043, Казань, Зеленая, 1